

9. *«И произрастил Господь всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи».*

Во-первых, надо заметить, что, как можно заключить из кн.1 «Метафизики», способность ощущения ценится из-за двух преимуществ, — из-за возможности познавать и пользы⁵¹⁷. Познанию служат преимущественно слух и зрение. Оба эти чувства, согласно учению философа, способствуют знанию⁵¹⁸. «Ибо все то, что кто-нибудь знает, он знает благодаря обучению либо личному изысканию», — как говорит философ в другом месте⁵¹⁹, — учась с помощью слуха и исследуя с помощью зрения.

Необходимости же и сохранению в природе разумных существ подчинены три остальных чувства, а именно: первое — осязание, второе — вкус и третье — обоняние. Впрочем, сии три также подчиняются познанию, и наоборот, слух и зрение необходимы для сохранения природного существования. Это и означает слово: *произрастил Бог всякое дерево, приятное на вид*, — сие имеет отношение к познанию, *и хорошее для пищи*, — сие относится к пользе.

Во-вторых, подобает заметить, что видовым свойством человека, на основе которого он и именуется человеком, является его расположенность к познанию. Познание управляется разумом, или рассудком, достигая в нем совершенства. Поэтому и внутренние чувства⁵²⁰, непосредственно подчиненные и служащие рассудку, у человека более совершенны, чем у других разумных существ. Иначе дело обстоит с внешними чувствами. И вот, говоря здесь о созданном человеке, [Моисей] предваряет: *приятное на вид*, и лишь потом продолжает: *хорошее для пищи*.

Далее нужно заметить, что зрительное ощущение принадлежит созерцанию, а вкусовое ощущение — хотению. И созерцание направлено на бытие вещей в их началах, а вкус — на бытие вещей в них самих. Кроме того, созерцание постигает истину, вкус — благодать вещей. Наконец, понимая буквально, красота трапезы вызывает и весьма разжигает аппетит. Посему здесь сначала сказано: *приятное на вид*, а потом: *хорошее для пищи*.

17. *«В день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь».*

Заметим здесь, что грешник в тот самый миг, когда он грешит, умирает, хотя и кажется, что он жив, как сказано в Откр.3: «Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв»⁵²¹, — ибо сам грех является смертью и наихудшей смертью, псалом: «Убьет грешника зло»⁵²². Итак, уже тем, что ты творишь грех, ты себя наказуешь, и в самый момент прегрешения ты умираешь. Сие подтверждается тем, что сказано в четвертой главе: «тотчас у дверей станет грех»⁵²³. Сенека пишет в письме 87: «Величайшая кара за преступление находится в нем самом. Ты заблуждаешься, думая, что она наступает лишь с казнью и заточением. Преступления караются, как только они совершились, вернее когда совершаются»⁵²⁴. Прем. 16: «Человек по злобе убивает свою душу»⁵²⁵. И Августин разъясняет в толковании на слово псалма «Что хвалишься злодейством?»: «Мы ожидаем наказания грешника. Оставь его себе самому. Как бы ты ни свирепствовал, он уже брошен к диким зверям. В себе самом он страдает больше, нежели от диких зверей. Зверь может растерзать плоть, сам же он терзает свое сердце и свою душу. Он свирепствует внутри себя самого. А ты требуешь внешнего бичевания? Молись за него, дабы он освободился от себя»⁵²⁶. Поэтому написано в Сир.5: «Не говори: я согрешил и что мне печалиться?»⁵²⁷, — как будто бы говорится от лица многих: вот я согрешил и не умираю, но все мне удается. Подобные люди, будучи слепы от злодейства, не видят, что сама [их] удача внутри является смертью, Прем.2: «Их ослепило их зло»⁵²⁸. Августин говорит в